

Т. Н. Дмитриева

ОТРАЖЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ХАНТОВ (БЫТ И ДОМАШНЕЕ ХОЗЯЙСТВО) В ТОПОНИМИИ БАСЕЙНА РЕКИ КАЗЫМ

Статья основана на полевом материале автора 1987–2001 гг. и данных картографических и письменных источников. Рассматриваются хантыйские топонимы как источник этнокультурной информации на примере прямых и опосредованных номинаций, отражающих реалии повседневного быта и домашнего хозяйства хантов.

Ключевые слова: традиционная культура ханты, хантыйская топонимия, особенности номинации, этнокультурная информация.

Хантыйская топонимия бассейна р. Казым содержит ценные сведения о традиционной культуре коренного населения края, в том числе о хозяйственной деятельности казымских хантов. В топонимии Казыма хорошо представлена лексика, отражающая основные занятия жителей – охоту, рыболовство, оленеводство, при этом некоторые лексемы называют реалии, ныне вышедшие из употребления. Не менее интересными оказываются нашедшие отражение в топонимии наименования различных предметов, связанных с повседневным бытом и домашним хозяйством хантов. Эти лексемы, употребляясь в составе топонимов, сохраняют и передают из поколения в поколение информацию об особенностях традиционной материальной культуры хантов. С другой стороны, сам набор таких лексем позволяет обратиться к вопросу выявления этнокультурного и ономазиологического своеобразия хантыйской топонимии.

Здесь выделяется две категории топонимов: прямые номинации с указанием на конкретную реалию сферы быта, имеющую какое-либо отношение (чаще всего событийное) к называемому природному объекту, и номинации опосредованные – в них название бытового предмета (предмета в широком смысле) используется для образной передачи особенностей формы, размера и других признаков называемого природного объекта.

1. Примеры прямых номинаций в топонимии Казыма (для указания на расположение объектов на территории региона используются пометы: ВК – верхний Казым, СК – средний Казым, НК – нижний Казым):

– *лајэт* «топор» [1, с. 723], = *лаюм* [2, с. 48]. В топонимии: 1. *лајэт јохэт* «Бор топора» (ВК). Предполагается ситуативный характер наименования: «Топориный бор. Топор кто-то потерял или сломал» (1989, 1992, Юильск); «Когда-то кто-то раньше топор потерял» (1988, Юильск). 2. *лајэт ворі* «Старица (озеро) топора» (СК). Там же были юрты, отмеченные в архивных документах 1930-х гг. как ю. *Лаимвурый* [3, с. 52].

Не исключено, что упоминание топора в топонимии может быть связано и с его особыми функциями, отражающими религиозно-мифологические представления хантов [4, с. 168]. Известно, что с помощью топора гадают: «Ханты и манси, когда заболеют, то для связи с богами используют топор. Через топор разговаривают с богами» [5, с. 155]. С помощью топора производят и другие магические действия, например разгоняют тучи во время сенокоса. Рассказы об этом были записаны автором в 1993 г. (с. Полноват Белоярского р-на ХМАО) и в 2004 г. (с. Теги Березовского р-на).

Прямые номинации часто связаны с какими-либо ситуациями, памятными событиями, происшедшими вблизи называемого объекта. В топонимах этого типа могут упоминаться названия обуви, деталей обуви и одежды, продуктов питания:

– *соҳні* «вид обуви из оленьей шкуры (без голенища или с суконным голенищем)». По данным DEWOS – казым. *соҳні* «кожаная обувь с голенищами из оленьего меха, для зимы (неупотребит.)». В других диалектах соответствующее слово обозначает различные виды обуви: это, например, «меховая обувь с голенищем из холста» (низям., шерк.: зимняя); «кожаная обувь с голенищем из холста» (конд. (Патканов), кр-ярск.: для женщин); «обувь с суконным голенищем» (неупотребит., чesn.) [1, с. 1307]. По словам информантов, *соҳні* – «без голенищ, из камуса, из шкуры» (1987, Амня); «На ноги надевают, одежда. В основном летняя, из оленьей шкуры. Потом брезент стали сверху пришивать» (1988, Юильск); «Раньше обские люди приезжали, короткие *сохни* носили, по-русски – лапти» (1990, Амня). Хантыйское слово было заимствовано и освоено русскими говорами Сибири (см.: [6, с. 87; 7, с. 527]), в морфологически освоенном варианте *сохни* (как форма мн. ч.) оно употребляется и в русской речи хантов. В топонимии: *соҳніей сәјәт* «Ручей с сохнями», также *соҳні* (СК), картографические формы (далее: = картогр.) – *Сох-Ненг-Соим*, *Солнангсоим*, *Сохнангсоим* (формы ошибочны);

– *səpek* «сапог». Казымское слово считается коми заимствованием (ср. коми-ижем. *sapeg*), куда, в свою очередь, оно попало из русского [1, с. 1355–1356] (см. также: [8, с. 527]). Как атрибут духа-охранителя сапоги упоминаются в хантыйском фольклоре: в одной из песен медвежьих игрищ (Песня-молитва духу Ас тый ики) есть строчка «как нос у [утки] *гоголя*, два сапога [ты имеешь]» [9, с. 117, стр. 70]. «Почему у духа появляются сапоги? Потому что в приклады духам зачастую кладут необычные, редкие предметы. Для хантыйской культуры в прошлом редкостью являлись сапоги» [9, с. 121–122]. В топонимии: *səpek λər* «Озеро сапога» (ВК) = картогр. *Сопеклор (Тонар-то)*. Параллельное название – ненецкого происхождения. Возможно, что хантыйский топоним является калькой ненецкого;

– *jūwəl* «подвязка у кисов». По словам информантов, *jūwəl* или *wej jūwəl* – подвязка у высокой (выше колена) зимней мужской меховой обуви, тесемка, которая подвязывается к поясу, чтобы поддерживать голенище. Ср.: казым. *jūwəl* «подвязка вокруг колена у голенища обуви из оленьего меха» [1, с. 340], *ювал* «подвязка у кисов» [2, с. 118]. В топонимии: *jūwəl səjəm* «Ручей подвязки у кисов» (НК) = картогр. *Ювол-Соим, Юволсоим*. Гидроним, восстановленный из картографической формы, может отражать конкретное событие: «Верёвка порвалась, так и назвали, может быть» (1999, Амня), если это не метафора по модели «верёвка (подвязка)» → «ручей»;

– *hāñ* «хлеб» (< коми) [1, с. 1061–1062], = нянь [2, с. 68]. В топонимии: 1. *hāñ lewəm (lejəm) səjəm* «Ручей, где ели хлеб» (СК). 2. *hāñ səjəm* «Ручей хлеба» (СК) = картогр. *Няньсоим*;

– *šəməx* «сушеная (вяленая) рыба, „позём“» [1, с. 275]. Для приготовления *šəməx* крупную рыбу разрезают со спины, вынимают хребет и кости, один день подвывают на ветру, на солнце, затем жаривают или сушат в печи (1988, Юильск). В топонимии: *wetjañ šəməx pañ* «Неводной песок пятидесяти сушеных рыб» – (НК). Название связано с ситуацией: «Рыбачили летом, лисёнка поймали. Лисёнок в лодке в кужумку [берестяную коробку] залез, пятьдесят *šəməx* съел» (1990, Полноват);

– *pərsa* «рыбная мука». Слово считается заимствованием из рус. диалектного *порса* с тем же значением; в свою очередь, в русские говоры Сибири заимствование, возможно, попало из селькупского [1, с. 1217], из хантыйского или из ненецкого языка (см.: [7, с. 475]). В топонимии: 1. *pərsa war jəxəñ* «Река запора рыбной муки» (= *pərsa war*) (ВК). 2. *pərsa war jəš λər* «Озеро дороги у запора рыбной муки» (= *pərsa war λər*) – исток р. Порса вар юхан. 3. *pərsa war jəš λər kərt* «Изва Озера у дороги рыбной муки» (= *pərsa war λər kərt* = *pərsa war*) – изба

на берегу этого озера. «Там, видно, рыбы много ловилось. Сушили ее, делали *порсу*. *Порсой* кормят оленей» (1991, Нумто);

– *kālaš* «калач» < рус. [1, с. 624]. В русском языке слово обозначает разновидность хлеба: «вид круглого кренделя, плетеная булочка...» [10], у хантов – также «сушка, баранка». Те же значения этого заимствования в языке манси: в-лозвь., сосьв. *kālaš* «булка», (Чернецов) *kalaš* «сушка, баранка», (Баландин, Ромбандеева, Вахрушева) *калась* «баранка» [8, с. 233]. В топонимии: *kālaš λər* «Сор калача» или «Калач-сор» (здесь *λər* – в значении «сор», сезонное озеро) – два объекта (НК); *kālaš pəsl* «Протока калача» или «Калач-протока» (НК). Топонимы могут быть связаны с ситуацией: по словам информантов, кто-то нашел или потерял калачи (сушки, баранки): «Они, наверно, сушки там бросили» (1993, Полноват). Относительно протоки имеются сведения, что там один из местных жителей в шутку повесил калачи (сушки, баранки) на колышках рыболовного запора. Поскольку время возникновения топонима *kālaš pəsl* точно неизвестно, можно рассматривать этот рассказ как мотивировочный контекст или считать его сообщением о случае юмористической «реализации», «олицетворения» уже существующего известного названия;

– *šaj* «чай». Словом *šaj* (< рус., также < тат. [1, с. 243] (см. также: [8, с. 665])) ханты называют известный продукт и напиток, а также и «хантыйский чай» – растение (иван-чай?) широко используемое в качестве заварки. Ср.: васюг. *jar-taj* «*spirea ulmagia* (из него готовят листовую чай), „соровый чай“»; *liwə-taj* «используемый для чая лист какого-то растения»; казым. *mäləñ-šaj*, *wəñ'-šaj* «используемые для чая растения» («озерный чай», «лесной чай») [1, с. 243]. В топонимии: *šaj səxətti səjəm* «Ручей, где рвут чай» (НК). «Хантыйский чай растёт. [Когда] осенью живут, оттуда приносят. Листья соберут, сушат» (1999, Амня); *šaj kawərtəm jəxəm* «Бор, где кипятили чай» (СК); *šaj kawərtəm səjəm* «Ручей, где кипятили чай» (= *šaj kawərtti səjəm* «Ручей, где кипятят чай») (СК), = картогр. *Шай-Каурты-Соим, Шайкауртысоим*; *šaj jañšəm λər* «Озеро, где пили чай» (ВК).

В целом ситуативные, событийные топонимы очень характерны для «маршрутной» топонимии обских угров – охотников, рыбаков и оленеводов, ведущих сезонный, полукочевой образ жизни (ср.: [11, с. 118–119]). В составе таких топонимов нередко употребляются причастия, придающие географическому названию характер целого рассказа, хранящего память о происшедших событиях в жизни хантов.

2. Опосредованные номинации в топонимии Казыма передают особенности образного видения

географических объектов хантыйским человеком. В образных, метафорических топонимах названия различных хозяйственных реалий используются чаще всего для характеристики внешнего вида объекта или его функциональной значимости:

– *pörli wej* «рукоятка пешни» [1, с. 1201, 1559]. В топониме *pörli wej səjət* «Ручей рукоятки пешни» (НК) – передается особенность формы объекта: «Соим такой прямой, как пешня прямой соим» (1990, 1993, Полноват);

– *šöxri* «узкий нож» [1, с. 1505]; ср.: *сюхри* «нож с острым узким лезвием» [2, с. 92]. В топониме *šöxreŋ paj*, букв. «Остров (гора) с узким ножом» (НК). Название метафорично: «Остров узкий, острый, как нож, поднимаешься на него когда» (1999, Полноват);

– *käšas* «карман». По данным DEWOS, казым. *käšas* – «свободный чехол малицы или шубы», «карман, сумка для огнива», «отделение кошелька» и др.; *käšasəŋ* – имя обладания, ср. в словосочетании *käšasəŋ wöx-tüt-xət*, обозначающем «кошелек (досл. „денег-огня-дом“) с отделениями»; *käš-* (инфинитив *käšči*) «обтягивать шубу покрывкой» – из коми-ижем. *kiš-* «то же» [1, с. 586] (см. также: [12, с. 175–176]); приведем также коми-ижем. *кыш* в сочетаниях *пöдушка* ~ «наволочка для подушки», *пэрина* ~ «наволочка для перины» и др.; *кышны* «покрывать, покрыть (напр. малицу)»; *кышэд* «наволочка; верх, верхнее покрытие чего-л.; чехол» [13, с. 169].

Для современного казымского диалекта слово *кашас* (*käšas*) отмечено в значении «наволочка» [2, с. 40]. Оно употребляется и как географический термин в значении «залив»: «как карман, типа залива» (1989, Юильск). В форме имени обладания лексема представлена в топониме *käšasəŋ lör* – букв. «Озеро с карманами» (БК). В названии отражается конфигурация озера: оно, как говорят информанты, «с карманами, заливчиками» (1989, Юильск); «как бы разветвлённое, заводей много» (1998, Казым). Если посмотреть на карту, можно увидеть, что это озеро действительно имеет очень извилистые берега;

– *raw* «зубец орнамента» [1, с. 1257]. В топонимах *wəp raw jəxət* (= *raw jəxət*) «Большой бор зубца орнамента» и *aj raw jəxət* «Малый бор зубца орнамента» (НК). По одной из версий, названия боров метафоричны и характеризуют рельеф местности: «*raw* – самое слово, то низменность, то возвышенность» или же отражают ее общее эстетическое восприятие: «чистое и красивое место, *raw* – узор» (1992, 1993, Белоярский).

3. Примеры топонимов, представляющих как прямые, так и опосредованные номинации:

– *lajət wej* «топорщице», букв. «рукоятка топора» [1, с. 723]. В топониме *lajət wej säŋxət* «Яр то-

порщица» (НК) = «гора **Ганм-вей Сангом**» [14, карта]. Название дает образную характеристику величины объекта или же опять фиксирует ситуацию: «Такой маленький, небольшой яр, по длине топорщица. Или кто там, может, топор потерял». «Топорщице там, видимо, сделал кто-то» (1993, Полноват);

– *püt* «котёл» [1, с. 1239], = *num* [2, с. 78]; *püt nör* «ручка котла» (см.: [1, с. 1014; 2, с. 66]). В топонимии: 1. *püt kältəŋ* «Котельная пристань» (СК). «Кто-то забыл там котелок. Первый раз на том месте поселился Тарлин Николай Григорьевич, в 50-е гг. Может быть, он назвал, или раньше название было» (2001, Белоярский). 2. *püt jəxəŋ* «Река котла», также *püt nör jəxəŋ* «Река ручки котла» (БК). Топоним возможно, ситуативен: предполагают, что там «Раньше какой-то мужик потерял котёл или разбил» (1992, Юильск). 3. *püt kal* «Котёл-болото» (СК). Образный топоним, отражающий форму объекта: «Большое болото, как котёл, в середине у него лес чёрный стоит, концы туда вверх идут, как ручки, как баранки». «Круглое, как котёл, и начало и вершина вместе крутятся» (1988, 1990, Казым);

– *kenas* «берестяная бочка». В словарях – казым. *kenas*, *keŋas* «кадка» [1, с. 598], *kenas* «кадка, бочка» [2, с. 41]. Информант: «Раньше делали из бересты такие посуды, литров 20–30 посуда. Держали рыбий жир, любые продукты, вино держали раньше, 4–5 лет может стоять, не портится» (1990, Полноват). В топонимии – *kenas səjət* «Ручей берестяной бочки» (НК). Название воспринимается как образное: «Наклоном таким берега, уклоном таким резким»; «Там такая крутизна» (1988, 1991, Белоярский); «Крутой ручей, как бочка для рыбы» (1988, Полноват); «Крутые берега, сопками все». Но по другой версии – «Видимо, *kenas* там [кто] потерял, а может, и делал» (1990, Полноват);

– *küšəm* «берестяной сосуд». По DEWOS – казым. *küšəm* «лукошко, чан, кучум, большой круглый сосуд из бересты (в котором, например, хранится или транспортируется рыба)» [1, с. 594]. То же значение слова и по полевым данным: «из бересты сшитый, большой, вроде чан ли, бочка, его наполняют ягодами, оно промерзает там...» (1989, Юильск); «из бересты посудина с крышкой, круглая, там хранят сушёную рыбу, продукты» (1991, Белоярский); «как картонная коробка из бересты» (1990, Полноват); «*küšəm* сделают, летом сколько морошки положат или ещё чего» (1999, Казым); «сошьют из бересты, сверху покрывкой закроют, покрывка двойная, берестяная; были две лямки пришиты» (1990, Полноват). В топонимии: 1. *küšəm jəxəŋ* «Река берестяного сосуда» – два объекта (БК). О первом из них: «Наверно, и стоял там *кужум* [русифицированная форма хантыйского слова, употребляемая в русской речи хантов. – Т.Д.]»

от него название получилось» (1989, Юильск). 2. *kǐšəm kal* «Болото берестяного сосуда» (СК). «Из берёзы делали кужум – ягоды, рыбу сухую складывали. Там оставили, так и звали» (1999, Амня). 3. *kǐšəm tǎləŋ* «Озеро берестяного сосуда» или «Берестяной сосуд-озеро» (НК). Образный топоним: здесь само озеро воспринимается как «хранилище» – «Рыбное место, богатое место, там и ондатра, и утиное место»; «в этом озере что есть – то твое, как в *kǐšəm* что положишь, то твое» (1991, 1992, Белоярский).

Но не всегда возможно получить достоверные сведения о происхождении таких названий.

Встречающиеся в составе топонимов бассейна Казыма разнообразные лексические компоненты, обозначающие реалии, связанные с традиционным хозяйством и материальной культурой хантов, позволяют не только получить представление

о хозяйственной деятельности и быте населения региона, но и выявить черты его духовной культуры и особенности мировосприятия. В названиях, возникших на основе образных сравнений (в соотнесении географических объектов с бытовыми предметами: различными сосудами, емкостями, орудиями труда и даже с узором орнамента), отчетливо проявляется этнокультурная специфика хантыйской топонимии.

В современных условиях промышленного освоения Севера происходит активное русско-хантыйское взаимодействие, в результате ассимилятивных процессов черты традиционной культуры хантов стираются и нивелируются, и поэтому еще сохранившиеся в народной памяти хантыйские топонимы могут способствовать сохранению информации о языке, истории и культуре одного из аборигенных этносов Сибири.

Список литературы

1. Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache / Bearbeiter: Gert Sauer. Berlin: Akademie-Verlag, 1966–1993. Lfg. 1–15. (= DEWOS)
2. Молданова С. П., Нёмысова Е. А., Ремезанова В. Н. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский: пос. для уч-ся нач. шк. 2-е изд., перераб. Л.: Просвещение, Ленингр. отд-е, 1988. 272 с.
3. Касум-Ёх. Материалы для обоснования проекта этнической статусной территории / отв. ред. А. В. Головнев. Шадринск: ПО «Исеть», 1993. 109 с.
4. Мифология хантов / В. М. Кулемзин, Н. В. Лукина, Т. А. Молданов, Т. А. Молданова; науч. ред. В. В. Напольских // Энциклопедия уральских мифологий. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. Т. 3. 310 с.
5. Молданов Т. А. Калташ анки // Народы Северо-Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. Вып. 2. С. 143–156.
6. Чайко Т. Н. Новые данные об обско-угорских заимствованиях в русских говорах по нижнему течению Иртыша // Этимология русских диалектных слов: межвуз. сб. Свердловск: Урал. ун-т, 1978. С. 79–91.
7. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск: Наука, Сибирское предприятие РАН, 1997. 774 с.
8. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. Новосибирск: Наука, 2003. 787 с.
9. Молданов Т. А. Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ северных хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 141 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1964–1973. Т. 2. С. 285.
11. Матвеев А. К. Образное народное видение и проблемы этимологической интерпретации топонимов // Ономастология. Отд-е ист.-филол. наук РАН. М.: Наука, 2006. С. 112–132.
12. Sauer G. Die Nominalbildung im Ostjakischen. Berlin, 1967 (Finnisch-ugrische Studien 5).
13. Сахарова М. А., Сельков Н. Н. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар: Коми книжн. изд-во, 1976. 288 с.
14. Шухов И. Н. Река Казым и ее обитатели // Ежегодник Тобольского губернского музея, 1915. Тобольск: Типография Епархиального Братства, 1916. Вып. 26. С. 1–57, карта.

Дмитриева Т. Н., доктор филологических наук, профессор.

Уральский федеральный университет.

Пр. Ленина, 51, Екатеринбург, Свердловская область, Россия, 620000.

E-mail: fasmer@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 25.11.2011.

T. N. Dmitrieva

**THE REFLECTION OF KHANTY MATERIAL CULTURE (EVERYDAY LIFE AND HOUSEHOLD ITEMS)
IN KAZYM RIVER BASIN TOPONYMY**

The article is based on the data of the author's field-work (1987–2001) and different written sources. Khanty place names are considered as a source of ethnic and cultural information on the examples of direct and indirect nominations, connected with the Khanty everyday life's realities and household items.

Key words: *Khanty, traditional culture, place names, special features of nomination, ethnic and cultural information in toponymy.*

Ural Federal University.

Pr. Lenina, 51, Ekaterinburg, Sverdlovsk region, Russia, 620000.

E-mail: fasmer@yandex.ru